

Андрей КАНАВЩИКОВ,
г. Великие Луки

Канавщикова Андрей Борисович родился в 1968 г. в г. Великие Луки Псковской области. Окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Работает заместителем главного редактора газеты «Великолукская правда». Член Союза писателей России. Председатель литературно-художественной группы «Рубеж».

Лауреат литературных премий. Награждён Золотой медалью «Василий Шукшин». Автор более сорока книг стихов, прозы и публицистики. Среди них: «Иней», «Красный рассвет», «Земляника», «Прямой репортаж из Вавилона», «Смотритель маяка», «Дорости до неба», «Кипяток» и др.

АГЕНТ ПОЭЗИИ

**ЭД ПОБУЖАНСКИЙ. «АГЕНТ НЕБА» -
М.: «ОБРАЗ», 2020.**

Автор предисловия к пятой книге стихов поэта и издателя Эда Побужанского «Агент неба» Николай Переяслов совершенно не случайно ставит вопрос о явной программности книги, с которой ему довелось столкнуться. Перед нами далеко не простое собрание неких текстов, но, прежде всего, достаточно концептуальное явление на границе классики и авангарда. «Поэт Эд Побужанский заметно выделяется на фоне сегодняшней российских литераторов как минимум тем, что в его творчестве отчётливо наблюдается движение поэзии вперёд – к яркому новаторству, обновлению творческих методов и развитию поэтического языка. Эд явно относится к последователям той новаторской поэзии, которая зовёт читателей уже не в пшеничные поля и васильковые луга России, а в электронные поля Интернета, куда стремительно перемещается вся наша жизнь». И дело здесь совсем не в оживлении словаря, не в активном уснащении стихов всякими «битыми пикселями» и «фейсбуками». В. Ключевский

тоже в своё время цитировал псевдосовременный язык петровской элиты, который так и не стал истинно современным: «Бояре остались без повоира и в консилы были только спекуляторами».

С «Агентом неба» и творчеством Эдуарда Георгиевича – другое. Гораздо важнее, что у Побужанского словесный инструментарий носит органический характер. Он не оживляет свои стихи «словесными новинами», но именно мыслит в тех образных и языковых рамках, в которых пишет. Это его ежедневный словарь, чем всё предприятие и интересно. А чем больше читаешь стихи Побужанского, тем однажды явственнее приостанавливаешься на открытой странице: да ведь это же интонация Андрея Вознесенского! Не того, конечно, Вознесенского, которого напрочь критики развели с классической русской традицией поэзии, а Вознесенского истинного, который до конца жизни пытался объединить вселенную Русского Слова.

Вознесенский, вообще, очень многое дал современной русской поэзии. Его образные находки, его рифменные периоды часто звучали и звучат даже в отрыве от своего отца. Его часто просто используют и не благодарят.

Все, например, помнят «Алюминиевые огурцы» Виктора Цоя, все школьники и студенты видели эту «алюминиевую» изморось на полях, когда ездили «на картошку», но ведь первым интонацию обозначил как раз Андрей Вознесенский в «Антимирах», в стихах, посвящённых поэту Щипачёву:

*А за окошком в юном инее
Лежат поля из алюминия.*

Странно? Щипачёв и Вознесенский? Махровский авангардист обращается к махровому реалисту? Ничего странного. Всегда поэзия для своей живой жизни, чтобы не заплесневеть и не уснуть на ходу, должна быть хоть немного авангардной. Традиция – это плоть поэзии, а авангард – это её кровь. Пушкин всегда будет авангарден по отношению к Державину, а Лермонтов авангарден – по отношению к Пушкину. И Побужанский как воспитанник поэтического литинститутского семинара Юрия Кузнецова это прекрасно понимает.

Андрей Вознесенский это тоже понимал. Чётко разделяя всегда основу и «модернистское трюмо», где индивидуальные авторские замыслы лишь разными образами отражаются. Отражения реальности, но не параллельная реальность! Дословно из его стихов, теперь уже посвящённых Твардовскому: «...страшным ликом / в модернистских трюмо отвечающая, / приземлилась меж нас / Великая / Отечественная».

Побужанский часто своими опытами напоминает именно Андрея Вознесенского. Именно его инструментарий и образный ряд наиболее эффективно использует. Вплоть до прямых цитат.

У Вознесенского:

*Стуча,
взбиралась
сапоги!
В них струйкой липкой и опасной
Стекали красные лампы...*

У Побужанского:

*Звёзды в кокардах, а руки в крови:
Вот она струйкой стекает лампасной.*

Даже само это ироничное название «Агент неба» сразу и недвусмысленные вызывает ассоциации с известным из Вознесенского:

*Вознесенский, агент ЦРУ,
притаившийся тихою сапой,
я преступную связь признаю
с Тухачевским, агентом гестапо.*

И Побужанский прекрасно ориентируется в этих культурологических ассоциациях, виртуозно их используя:

*Ты помнишь молитву?
Любую. И я – нет.
Но я же твой ангел,
я агент неба.
Не отключайся,
не выключай
внутренний свет.*

Чувствуете, как всё стало ещё глубже и как заиграло новыми гранями, когда от линейного смысла началась работа по выстраиванию единого поэтического пространства?! Без резервации классики и без резервации авангарда. С общим культурологическим контекстом, как это и должно быть в единой поэзии.

Не удивительно, что Андрей Андреевич бережно пестовал всю молодую поросль, которая не плесневела и не засыпала. Видя в своём творчестве не служение мифическому поэтическому авангарду, а максимальное богатство инструментария и языкового материала. Так, он тепло отнёсся к поискам Юрия Беликова, этого Махатмы Поэзии, который существенно осовременил и оживил русскую поэзию на путях синтеза языков и культур.

К сожалению, в перестроечные годы отечественную поэзию время и политики окончательно разделили на отдельные окопы и баррикады. Если у Некрасова формулировалось: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан», то после танков на Лубянке началась пора «Гражданина поэта», где две ипостаси не противопоставлялись, а уже конкретно смешивались. Нефёдов изобличал «неких» в «Завтра», а Быков других «неких» – в «Новой газете». Поэзия стала прикладной, неким жандармским прикладом, которым очердной Шнур орудует в сети Интернет. Увы. Мы не выбираем времена, в которых живём. Но мы можем выбрать свой путь. И Эдуард Побужанский это делает осознанно и убеждённо. В интонации синтеза и работы над тем, чтобы классический звук был современным. Как это в своё время активно делал Андрей Вознесенский.

*Сколько в поэте подённого флуда?
Если брать брутто, немало как будто,
Но остаётся же главное – нетто,
Что нашёлтал ему прозрачный Некто.*

Эдуард Побужанский очень цепко и последовательно очищает поэтическую миссию от политической мифологии. Порой даже возвращая вещам их истинный смысл, отделяя его от поэтического иносказания:

*Тебе – пророку или убийце –
красна ли гибель на виду
толпы, напрягшейся как бицепс
по шепотку: ведут, ведут!
...Нет, назначалась непростая
публичной – ведь на месте лобном
не смерть, а кровь твоя красна.*

Обычно стихи строятся наоборот: от факта к обобщению, от видимого к невидимому. Побужанский умеет видимое сделать обобщением и превратить прикладное в фундаментальное. Поэтому даже его размышления о поэзии оригинальны и свежи. Это происходит как раз по причине того, что поэт вот именно здесь, в режиме реального времени, выстраивает тот мир, которого хочет достичь.

*Не крестиком вышивание
И не вязанье крючком,
Стихи – это как выживание:
По хрусткому снегу ползком.
...Ползёшь, а по снегу тянется
Строкою багряною след.*

Очень важно и то, что ирония поэта не сжигает всё вокруг себя красным словом, она – не самоцель, она, скорее, защитная реакция. Бронезилет. Увидев у Побужанского иронию никогда нельзя расслабляться. Скорее, наоборот.

*Свой век мотаю от и до –
От Грина до Довлатова,
И можно выйти по УДО,
Но лишь в окно с девятого.*

И его современный словарь, по большому счёту, ничего не меняет. Лирические стихи остаются лирическими стихами, а лирический герой лирическим героем. С вечными темами и вечными ценностями. Принцип сверхконцентрированности и сверхкороткого текста, что виртуозно разрабатывал в русской поэзии Алексей Решетов, а сейчас продолжает Николай Зиновьев, у Эдуарда Побужанского очень убедителен и свеж.

Да, это короткое дыхание, афористичность, в общем-то, не новы. Но поэт даже в очевидных рамках умеет обозначить свою собственную интонацию и ни на кого не похожий почерк. Это уже несомненный признак мастерства и автора, который состоялся.

*Я начал разговаривать с собой.
И рад бы пошутить над этим, рад бы...
Но вышел разговор как ближний бой –
На расстояние вытянутой правды.*

*Я начал разговаривать с отцом.
Мы были с ним полжизни не враги ли...
И вот я тут. Седой. С его лицом.
Реву и рву пустырник на могиле.*

Побужанского хочется читать. Это сначала поэзия, а уже потом «инструментарий», «современный язык»... Сначала диалог с читателем, и только потом, через паузу, хочется разобраться: что это было, и как это сделано. Разобраться именно для того подсознательного ощущения, чтобы подольше не выпускать текст из глаз, чтобы оставаться вместе с этим живым пространством.

У поэта есть показательные стихи «Дудка». По сюжету это переключка со штампом «под чужую дудку», типа, подуди-ка сам, если недоволен. Вот поэт и дудит!

*Шепнула: «Будь собой!»
Авось и я стране сгожусь,
А если нет – свалю.
Как за соломинку держусь
За дудочку свою.
Нехитрой музычкой, поди,
Не вывести всю дурь,
Но что есть воздуха в груди
Я буду в дудку дуть!*

Оптимизм и жизнеутверждение тоже совсем в смысле Андрея Вознесенского. Невольно вспоминалось, как тот шёл однажды на встречу с читателями в московский Дом книги. Он поднимался тяжело по лестнице, держась рукой за перила. Я спускаюсь вниз, пытаюсь успеть по очередному столичному адресу.

– Здравствуйте, Андрей Андреевич!

Видно, что ему идти тяжело, но глаза блестят задорно. Откликается мгновенно, с еле уловимой улыбкой:

– Здравствуйте, но вы не туда идёте.

Самому неприятно, что иду не на встречу с ним, а в противоположном направлении. Бормочу быстро, чтобы не множить извинения:

– Не успеваю.

Через несколько месяцев Вознесенского не стало. Действительно, не успел. И многое не успел уже навсегда. И тем радостнее однажды было открыть для себя поэта Эдуарда Побужанского и снова увидеть, что безумство храбрых не остыло, что классика и авангард снова и снова соединяются, как не делимы у людей их тела и души.

Рифмы, верлибры, классика, авангард...

Это словно детские кубики, которыми мы обречены до поры до времени играть, делая вид, что наши доморощенные конструкции полностью самостоятельны. Всегда к занавесу появляется какой-то взрослый и собирает наши кубики в общую коробку и улыбается нам.

Как правило, улыбается...

